
Ирина Соболева

Ярослав Бахметьев

«МЕНЯ КАК БУДТО ВЫТОЛКАЛИ ЗА ВОРОТА»: РЕАКЦИЯ ЛГБТ НА ЗАПРЕТ «ПРОПАГАНДЫ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА»

Статья исследует влияние государственной кампании о запрете «пропаганды гомосексуализма» на публичные проявления гомосексуальности. На основе 77 проблемно-ориентированных интервью с представителями ЛГБТ мы реконструируем три наиболее популярных поведенческих реакции (игнорирование, принятие и протест) и объясняем причины их выбора. Мы показываем, что те из респондентов, которые до кампании демонстрировали гомосексуальные отношения на публике, продолжили это делать, несмотря на давление со стороны официальной политики. Кампания заставила ЛГБТ переопределить свою жизненную стратегию в терминах политической борьбы, а не субкультурной идентичности. Респонденты призывают к расширению повестки дня ЛГБТ-движения до «общегражданской» и защите прав всех дискриминируемых групп. Они не отмечают значительного усиления повседневной гомофобии: те группы, на которые была направлена государственная кампания, склонны к дискриминации ЛГБТ до ее начала, а группы, которые занимали нейтральную позицию, получили больше информации о проблемах ЛГБТ. В результате респонденты зафиксировали рост сочувствия к себе в ближайшем социальном окружении.

Ключевые слова: ЛГБТ, протестное поведение, дискриминация, регулирование, сексуальность

Ярослав Бахметьев – преподаватель, факультет прикладной политологии НИУ ВШЭ; младший научный сотрудник, Лаборатория политических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: yabakhmetjev@hse.ru

Ирина Соболева – МРА, преподаватель, факультет прикладной политологии НИУ ВШЭ; младший научный сотрудник, Лаборатория политических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: ivsoboleva@hse.ru

Изменились ли поведенческие практики ЛГБТ¹ после начала в 2012 г. федеральной кампании по запрету «пропаганды» гомосексуальных отношений среди несовершеннолетних? Как объясняется стремление законодательно определить традиционные и нетрадиционные сексуальные отношения? В данной работе мы проверяем, меняются ли практики, заключающиеся в выражении романтической и сексуальной привязанности к представителю своего пола, в ходе борьбы с «нетрадиционными сексуальными отношениями», рассматривая эту проблему сквозь призму теории Мишеля Фуко о взаимосвязи сексуальности и власти (Foucault 1990: 103). Регулирование сексуальных отношений представляется частным случаем усиления властного контроля над «телами и душами» граждан.

Предмет нашего исследования – изменение публичного поведения ЛГБТ в связи с проведением федеральной кампании о запрете «пропаганды гомосексуализма». Методологическое преимущество работы заключается в возможности прояснить, как именно воспринял государственную пропаганду основной ее объект. На основании глубинных интервью мы фиксируем изменение того, что далее называем «поведенческими практиками» ЛГБТ. Под такими практиками в исследовании понимается поведение респондентов, которое они субъективно определяют как «гомосексуальное», т.е. связанное с выражением симпатии, романтической или сексуальной привязанности, романтической или сексуальной привязанности к представителю своего пола. Не связанное с романтическими чувствами общение двух лиц гомосексуальной ориентации не относится к этой категории, тогда как демонстрация влечения к гетеросексуальному представителю своего пола – относится.

До полевой работы мы предполагали, что респонденты осуществляют различение интимного и публичного пространства и проводят контроль практик в связи с традиционными представлениями о табуированном и интимном (Giddens 1993; Jamieson 1998): например, проводят различение практик на допустимые и недопустимые в публичном поле. Оказалось, что их нормативное понимание того, как стоит вести себя с сексуальными партнерами, определяется не ориентацией, а воспитанием (многие подчеркивали,

¹ Следуя конвенциональному термину, мы называем всю совокупность наших респондентов аббревиатурой ЛГБТ (лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры). В работе мы исследуем не сексуальную идентичность, а поведенческие практики. Все респонденты сообщали, что практиковали гомосексуальные отношения (т.е. взаимные сексуальные или романтические однополые отношения), но не все определяли себя как ЛГБТ. Некоторые заметили, что они испытывают трудности с установлением своей идентификации. Позже в предложенной им в ходе исследования шкале они отнесли себя к бисексуалам, демисексуалам/кам или асексуалам/кам. Объединение в одну категорию лесбиянок, геев, бисексуалов/бисексуалок и трансгендеров не является корректным в контексте изучения именно гомосексуальных отношений. Поэтому, несмотря на использование соответствующего термина в литературе и в государственном дискурсе, мы хотели бы отметить, что в самой работе термин употребляется с вышеуказанными ограничениями.

что вид откровенно целующихся пар на эскалаторе метро раздражает их вне зависимости от половой принадлежности каждого партнера).

Мы проводили интервью в течение выхода кампании на федеральный уровень, что позволило зафиксировать изменения в поведении, воспринимаемые её объектами. Фиксация поведения в бихевиористском смысле была затруднена, во-первых, спецификой изучаемого предмета: мы не имели возможности провести наблюдение за респондентами, поскольку их субъективное восприятие «откровенности» в общении могло быть нами не идентифицировано как таковое; кроме того, помимо наличия видимой реакции нас интересовало её субъективное понимание. Поэтому мы сделали методологический выбор в пользу интервью, которые выявили представление ЛГБТ об изменениях в собственном поведении. В частности, мы рассматриваем, повлияла ли на них гомофобная кампания; стали ли они более сдержанны при проявлениях сексуального влечения к представителям своего пола в публичных местах; как они объясняют принятие соответствующих законопроектов. Исходя из предпосылок герменевтической социологии, мы предполагаем, что дискурс не только отражает субъективные смыслы респондентов, но и формирует модели их поведения.

При построении теоретической базы исследования мы во многом опирались на работы М. Фуко. Одним из центральных тезисов его труда «История сексуальности» было доказательство глубинной связи властных и сексуальных отношений (Foucault 1990). Биополитические стремления государства регулировать рождаемость и проводить демографическую политику деиндивидуализируют человека. Одним из примеров биополитики является политика регулирования тела (Фуко 1999: 197–247). Характер такой власти может проявляться довольно широко: в запрете гражданам распорядиться своим телом для осуществления прерывания беременности, курения, свободного вступления в половые контакты (ограничение «возраста сексуального согласия») или в половые отношения, не предполагающие продолжения рода (Rothbauer, McKechnie 2000; Bernstein, Schaffner 2005). Установление контроля над телами, обосновываемое повышением рождаемости, например, почти всегда является уловкой, скрывающей истинные намерения законодателей. Именно эти аргументы используются российской властью во время кампании по регулированию «нетрадиционных сексуальных отношений».

Сопряжение политики и сферы интимного не является априори нежелательным. Государственное регулирование сексуальных отношений при демократическом режиме может быть оправдано необходимостью сглаживания социального, имущественного и культурного неравенства (как, например, в Скандинавии и Западной Европе). Однако в авторитарных режимах, в зависимости от политических целей правящей элиты, такое регулирование может быть, как эмансипирующим (Турция при Кемале Ататюрке, Иран при Мохаммеде Пехлеви), так и, напротив, традиционалистским, поощряющим

дискриминацию, формирующим образ врага (в большинстве остальных случаев (Гудков 2004)). Мы утверждаем, что российские власти демонстрируют пример дискриминирующей социальной политики, направленной не на поиск компромиссов и снижение социального неравенства, но, напротив, на его усиление. В результате возникает напряжение между декларируемыми целями дисциплинарной политики и базовыми свободами человека.

Российский случай биополитического регулирования вводит дискриминирующие определенную группу механизмы с целью объединения против нее общественного консенсуса и тем самым усиливает категориальное неравенство (Тилли 2010). Наше исследование показывает, что абсолютное большинство респондентов ощутило политическое давление. Однако несмотря на декларируемые цели кампании, изменения поведенческих практик ЛГБТ проходят по неожиданному для государства сценарию. Давление привело к различным формам сопротивления, а также формированию общества «дружественных гетеросексуалов» (*гей-френдли*).

В первой части работы мы анализируем попытки регулирования «нетрадиционных сексуальных отношений» в России, описываем особенности Федерального закона № 135-ФЗ от 30.06.2013 г., составляющего основную нормативно-правовую базу обсуждаемой политики. Во второй части мы описываем эмпирическую базу исследования, особенности сбора, обработки и анализа данных и представляем краткие выводы. Наконец, мы реконструируем три наиболее возможных реакции респондентов (игнорирование, принятие и протест) и объясняем причины их выбора.

Регулирование «нетрадиционных сексуальных отношений» в России

В течение 2000–2010 гг. в России неоднократно предпринимались попытки ввести уголовное наказание за «гомосексуализм» (Депутаты... 2002; Депутат... 2002), а также предложить иные варианты регулирования гомосексуальности (Kondakov 2013). Впервые в постсоветской России «публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма (мужеложства и лесбиянства) среди несовершеннолетних», были признаны административным нарушением законодательным собранием Рязанской области в 2006 г. В 2011–2013 гг. подобные законы появились в Архангельской, Костромской, Новосибирской, Магаданской, Самарской, Калининградской областях, Краснодарском крае, республике Башкортостан и Санкт-Петербурге. На момент принятия федерального закона аналогичные законопроекты уже были внесены в парламенты ряда других субъектов РФ.

Законопроект собрал под своими знаменами многих публичных персон, позиционирующих себя как защитников традиционных духовных и семейных ценностей. Попав в Госдуму, он был направлен в Комитет по вопросам семьи, женщин и детей, председатель которого, Елена Мизулина,

обосновала его необходимость демографическими проблемами: «Поскольку однополые браки... Откуда они могут взять детей? Сами они их воспроизвести не могут. Значит, сироты. Они заинтересованы в сиротстве. Заинтересованы, чтобы были детские дома и были дети. Невозможно опровергнуть этот тезис» (Мизулина... 2013а). Одним из самых заметных публичных защитников и пропагандистов нового законопроекта стал депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Виталий Милонов, сообщавший: «Это мои статистические наблюдения, что большинство педофилов – гомосексуалисты» (Церковь – это место... 2012), «Вы знаете, что 80 процентов педофилов гомосексуальны, я вам это говорю как практик!» («Воскресный вечер»... 2013). Милонов идентифицирует негетеросексуальных людей как психически больных, греховных и ненормальных. Петербургский депутат отождествляет сексуальную норму с православным воздержанием, оперирует крайне спорными суждениями относительно гомосексуальности и педофилии, чтобы связать эти явления в едином семантическом поле.

Владимир Путин подписал закон № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» от 30.06.2013 г. Определение «традиционных семейных ценностей» в законе отсутствует, а «пропаганда» определена как «формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений». Подразумевается, что такая пропаганда может добиться успеха, и несовершеннолетний, попав под ее влияние, пересмотрит свою ориентацию. Федеральный закон и его региональные аналоги предполагают широкий простор для произвола (Суд... 2012).

Существование данного закона дало возможность развивать дискриминационные практики дальше: например, он уже породил активную дискуссию о возможности (и даже необходимости) принудительного изъятия детей из однополых семей. «Вероятность того, что ребёнок будет подражать поведению родителей, очень велика при усыновлении» (Мизулина... 2013b). Согласно другому закону (№ 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 2.07.2013 г.), любым иностранным гражданам, состоящим в однополем брачном союзе, запрещено усыновлять российских сирот.

Для понимания роли закона в регулировании повседневных практик ЛГБТ необходимо учитывать сопряжение политического и сексуального дискурсов, роль православия в конструировании государственной идеи и нормативности. Во-первых, как точно подметил Игорь Кон, в России гомофобия и гомофилия стали политическими феноменами (Кон 1997). Социаль-

ные группы, которые не смогли адаптироваться к новым правилам игры в рыночной экономике, начали испытывать неудовлетворение теми, кто, по их мнению, адаптировался гораздо лучше, и ассоциировать толерантность с недостатками демократии. В этом процессе ярко проявляется «советский синдром» российской политики и «советская травма» сексуальной культуры, стигматизирующей «пассивную», женскую роль (Вагг 2009: 37). Во-вторых, консервативное лобби отождествляет свою позицию с православным дискурсом. Гомофобные высказывания дискурсивно связываются с православием, как «неформально признанной» государственной религией, и, вероятно, обусловлены отсутствием в России педагогической школы, способной предложить светскую альтернативу сексуальному образованию (Вагг 2009: 10–11). В-третьих, российский гомофобный дискурс, производящий понятие сексуальной нормы, является частным случаем культурного дискурса нормативности. Гомосексуальность считается нелегитимной, так как бросает вызов распространенным представлениям о «нормальных» стандартах семейных отношений: не производит потомства физическим образом, посвящена сексу, а не духовному развитию, влечёт за собой «опасный признак индивидуализма» (Pilkington 1996: 102).

Опросы общественного мнения показывают, что «лечить гомосексуалистов» стремится 38% населения, «оставить их в покое» – 31%, «преследовать по закону» – 13%, однако с запретом на государственном уровне «публичных проявлений и оправданий гомосексуализма» солидарны 73% населения (Плотко 2013). Сравнение России с другими странами демонстрирует, что по уровню гомофобии она относится к странам с традиционной культурой, находящимся на стадии модерна, – Турцией, Малайзией, Сальвадором (The Global Divide... 2013).

В связи с этим неудивительна интенсификация гомофобного дискурса параллельно с прошедшими в России политическими протестами. Стремление к консолидации электората, повышению уровня легитимности институтов власти и предохранению от эрозии консенсуса большинства требует стандартных для авторитарного режима методов регулирования ситуации: с одной стороны, внедрения скрепляющей позитивной идеи («семейные ценности», «духовные скрепы»), с другой – назначения врага, обладающего «ненормальными», «прозападными» и «агрессивными» коннотациями. Очевидно, что ЛГБТ подходят для данной цели. В публичном дискурсе сексуальность подменяется репродукцией, а обсуждение повышения уровня жизни, необходимого для поддержки семей с детьми, в свою очередь, – спекуляциями по поводу национальной безопасности.

Сбор и анализ данных

Наше исследование основано на 77 проблемно-ориентированных (Witzel, Reiter 2012: 5) интервью с ЛГБТ. Респонденты рекрутировались

методом снежного кома с тремя итерациями отбора и с гнездами в Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, Приморском крае, Кировской области, Удмуртии, Самарской области, Ханты-Мансийском автономном округе, Москве и Московской области в течение 2012–2013 гг. В нескольких регионах страны с разной культурной спецификой мы выбрали случайным образом несколько человек, и далее просили их дать контакты заинтересованных в исследовании знакомых. Первая группа респондентов была отобрана в гей-дружелюбных кафе и через друзей. Поскольку интервью проводились в условиях анонимности, указывается только ориентация, возраст и место проживания. Более детальное описание не приводится с целью защиты персональной информации собеседников.

Получившаяся в итоге выборка включила ЛГБТ разных возрастов, профессий и статусов. Средний возраст опрошенных составил 26–28 лет, минимальный – 18, максимальный – 50. В исследовании приняло участие 50 гомосексуально ориентированных и 27 бисексуально. Большая часть бисексуальных определила себя как женщины (около 80%), гомосексуальные респонденты разделились поровну. Социальный статус оказался очень разнообразным: от лиц без высшего образования до кандидатов наук, респонденты представляли широкий спектр профессий и специальностей (технические работники, работники государственного сектора, частные предприниматели, офисные сотрудники, работники сферы образования, научные сотрудники и т.д.).

Различия между респондентами зависят от их места жительства и вовлеченности в активизм. Хотя мы не исключали ЛГБТ-активистов намеренно, в выборку попало 12 членов ассоциаций и 55 «рядовых» ЛГБТ (остальные не пожелали определяться). Ответы первых, тем не менее, радикально не отличались от ответов остальных. Кроме того, мы исключили консервативные, преимущественно мусульманские регионы в силу культурной специфики «входа в поле».

Большая часть наших собеседников рекрутирована из городов с населением более 500 тыс. человек. Ответы респондентов из малых городов значительно отличались от мнения жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска и Владивостока: они активнее отреагировали на закон № 135-ФЗ, чаще сталкивались с дискриминацией, были более замкнуты, боялись за своих партнеров. Большинство респондентов из мегаполисов подчеркивали, что они осознают, насколько свободнее им живется по сравнению с жителями малых городов.

Индивидуальные истории респондентов оказались довольно похожими. Большинство из них не стремятся посвящать в подробности своей личной жизни близких родственников и скептически относятся к так называемой «гей-тусовке». Возраст первого сексуального опыта в основном приходится на 17–18 лет. При этом возраст осознания своей ориентации отличается: для гомосексуалов – примерно 14 лет, для бисексуалов –

18 лет. Вне зависимости от вмешательства государственной власти, некоторые респонденты в возрасте «*сексуальной самоидентификации*» пытались склонить себя к «традиционной» ориентации. Первые сексуальные опыты частично развеивали сомнения, хотя многие «*потратили годы*» на то, чтобы примириться с собственной ориентацией. Важно отметить, что проводимая государственная кампания, очевидно, наносит серьезный психологический ущерб именно этой социальной группе, делая 14-летних подростков изгоями, так как любые отношения сексуального характера между однополыми людьми изначально маркируются отрицательно и осложняют процессы социализации.

Большая часть респондентов открыта в своей ориентации только для ближнего социального круга и придерживается принципа «*не скрываю, но и не афиширую*». Такой выбор продиктован желанием защитить себя от возможных проблем с консервативно настроенным окружением. Наши собеседники приводили интересные примеры того, как они справлялись с нахождением в потенциально опасной для них ситуации близкого телесного контакта (общеежитие, армия, экспедиции на Север). Сначала они вели себя «*как обычные люди*», потом, лучше понимая обстановку, совершали хорошо подготовленный *камин-аут*. Стремление избежать публичной агрессии сочетается с желанием оградить свое окружение от «*тяжелого знания*».

Я опасалась говорить бабушке [что у меня есть девушка], потому что она очень верующий человек, регулярно ходит в церковь (лесбиянка, 25, Санкт-Петербург).

Все респонденты уже до начала кампании полагали, что российская сексуальная культура консервативна (тесно связана с религиозными догмами, гендерными стереотипами, «лагерной культурой»). Самым опасным и враждебным для них был «обобщенный другой», наблюдающий за ними в публичном пространстве (на улицах, в метро, в кафе). С другой стороны, респонденты отмечают довольно высокую степень толерантности в приватном пространстве. Наши собеседники часто упоминали о типичной стратегии, направленной на повышение терпимости в близком кругу: находясь в гомофобной среде своих друзей, коллег или соседей, устанавливали с ними дружеский контакт и, выбрав подходящий момент, делали *камин-аут*. За первоначальным отторжением или удивлением обычно наступал период принятия: большая часть референтной для респондента группы в итоге принимала его ориентацию и даже начинала собирать дополнительную информацию, присылать ссылки на просвещающее видео, интересоваться личной жизнью, обращать внимание на другие гомосексуальные пары. Важно, что этот нарратив воспроизводился во всех возрастных группах и регионах.

Открытым остается вопрос об устойчивости приобретаемой терпимости: является ли толерантное отношение частным случаем принятия близкого человека или оно будет транслироваться и на публичные отношения.

Более того, респонденты почти всегда сами формируют свое социальное окружение, избегая общения с откровенно агрессивными гомофобами, а поведение в кругу малознакомых людей подвергают самоконтролю:

[Когда я езжу в экспедиции], я живу с мужчинами в одном лагере, и я себя веду немножко по-другому с ними, я слежу за собой, чтобы интонацию в голосе не подать, потому что мне совершенно не нужно, чтобы они про меня знали (гей, 25, Москва).

Итак, для анализа кампании значимыми характеристиками наших респондентов являются их мнение о консерватизме российской сексуальной культуры и готовность соответствовать субъективным нормам сексуального поведения. Они демонстрируют осторожное отношение к культурным и общественным нормам, несмотря на то, что большинство не сталкивалось с физической агрессией. До кампании по «запрету пропаганды гомосексуализма» наши респонденты стремились публично не проявлять гомосексуальность, предполагая негативную реакцию окружающих. Наиболее важным субъективным регулятором их поведения была «самоцензура» в соответствии с культурными нормами «молчаливого большинства». Государственная кампания оказалась катализатором, заставившим наших собеседников пересмотреть свои практики и заново осмыслить роль внешней среды в регулировании их поведения. Как мы показываем далее, в ходе этого переосмысления были сформулированы три основные реакции на кампанию.

Реакция ЛГБТ на регулирование сексуальности

Мы выделяем три типа реакции на государственную кампанию по запрету «пропаганды гомосексуализма» по аналогии со стратегиями «выхода», «голоса» и «верности» Хиршмана (Hirschman 1970): игнорирование государственной политики, ответный протест и принятие правил игры. Описание каждого типа сопровождаем наиболее показательными цитатами и объяснением того, как реакция соотносится с субъективным описанием респондентами их стратегий поведения до кампании.

Примерно четверть опрошенных приняла решение вести себя более откровенно в ответ на консервативную политику; каждый пятый – более скованно. Остальные (более половины) не изменили своего поведения, так как вообще не проявляли свою ориентацию публично (за исключением специальных мест, располагающих к более интимным практикам: гей-клубы, парки, пляжи). Большая часть из них считает, что уровень гомофобии в России незначительно растет, но не в связи с государственной кампанией, а в связи с ростом уровня агрессивности в обществе и неадекватной работой ЛГБТ активистов.

Принятие. Модель, характерная для максимально закрытых респондентов, а также представителей ЛГБТ-сообщества, большую часть жизни

находившихся в консервативном, традиционалистском окружении. Для последних максимальной степенью открытости было признание своему ближнему кругу, после чего их притязания на выход в иные сферы публичности – проявление сексуальности, требование признания прав и прекращения дискриминации – представлялись невозможными в силу общей культурной (или религиозной) специфики окружения.

Принятие правил игры означает специфическую идентификацию ЛГБТ с позицией «молчаливого большинства» и признание в качестве доминирующих над личными его культурных норм в том виде, в котором они сами их интерпретируют. Аргументация таких респондентов была прагматичной и строилась вокруг повторяющегося в разных формах тезиса:

Если у нас демократия, то мы должны подчиняться мнению большинства. И если большинство за консервативные ценности, то почему я должен сопротивляться? (гей, 26, Москва).

В ответах причиной принятия доминирующих правил и исключения из множества разнообразных сообществ выступали или «объективные» характеристики среды («*русская культура*»), или собственные изначально предписанные идентичности, конфликтующие между собой:

Я верующий человек. И этот закон испортил мои отношения с церковью, если можно так сказать. Они так вбивают в голову, что грех-грех-грех, что я не могу больше ходить в церковь. Чувство немного как будто... Как раньше – отлучали от церкви, и ты вроде как вне общества. И тут так же. Мне это было важно, а тут меня как будто вытолкали за ворота (лесбиянка, 23, Санкт-Петербург).

Наши респонденты не изменили своих поведенческих практик, потому что всегда соответствовали общественно-приемлемой, по их мнению, форме. Они лояльно воспринимают государственную кампанию, считая ее соответствующей общему настроению «гетеросексуального большинства».

Игнорирование. Вторая модель поведения принимается более чем половиной респондентов и выражается в сокрытии своих практик или их максимальном удалении от политической сферы в целях невмешательства в частную жизнь. Отсутствие реакции не связано с индифферентностью или низкой информированностью. Скорее, предпосылкой стратегии «выхода» является неверие в эффективность государственной политики и возможность изменения укорененных в культуре норм и стереотипов. Классический аргумент здесь повторялся респондентами из регионов и мегаполисов примерно одними и теми же словами:

Все эти идиотские законы принимаются подо что-то. И все эти люди, которые начинают истерически реагировать, они принимают программу партии. Они пугаются. Я не могу сказать, что я не вижу отголосков авторитаризма во всем этом. Но реагировать не надо (лесбиянка, 30, Москва).

Эта модель воплощается в отсутствии изменений в публичном поведении:

Если честно, в целом моё поведение особо не поменялось: я как вёл свой образ жизни, исходя из внутренних посылок, моральных, базовых ценностей... Мне социум не навязывает (гей, 20 лет, Ханты-Мансийский автономный округ).

Самую характерную группу в рамках данной модели составили респонденты 25–35 лет, живущие в фактических брачных союзах. Они адаптируются с помощью стратегии «невидимости» (частного случая стратегии «выхода»), подробно описанной Бэром (Baer 2009). Согласие находиться в нерегулируемой «серой зоне» объясняется ими отсутствием со своей стороны требований каких-либо дополнительных прав:

Ну, вот, я, например, себе не требую каких-то социальных прав и гарантий. Я не вижу необходимости. <...> Мне бы желательно, чтобы элементарные права сохранились. Потому что я пока вижу, что отнимаются имеющиеся (гей, 27, Ижевск).

Респонденты исключали соприкосновение своей интимной сферы с политической и не считали необходимым прибегать к регулированию социальных отношений со стороны государства. Решение правовых вопросов, связанных с совместным проживанием (имущественных, медицинских, прочих), не казалось им затруднительным или не решаемым доступными методами: *«В случае необходимости всегда можно все оформить. Нотариально, юридически. Без проблем это делается»* (лесбиянка, 30, Санкт-Петербург).

Таким образом, второй типичной реакцией на кампанию стало игнорирование проводимой политики. Респонденты, никак не поменявшие своего поведения, объясняют это уверенностью в неспособности государственных органов находить и наказывать «пропагандирующих гомосексуализм» граждан и убежденность в том, что большинство населения так же останется равнодушным к призывам преследовать ЛГБТ.

Протест. Почти четверть наших респондентов сочла необходимым активно ответить на государственное вмешательство в частную жизнь. Высказываясь против методов ЛГБТ-активистов, предлагали им ужесточить тактику, усилить напор и перейти к прямым революционным действиям. Довольно быстро логика обиды начинает трансформироваться в логику политического протеста, который видится респондентам как сочетание личной смелости и политической активности: *«Сейчас протесто у меня парня нет, но когда он будет, я буду с ним ходить за руку везде. Буду целоваться, когда и где захочу»* (гей, 24, Киров).

В ближнем кругу информанты отмечали значительные изменения собственного предела терпимости:

По отношению к приятелям я, скорее, стал более нетерпимым. Раньше я как-то закрывал глаза, отфильтровывал всякие шуточки, подколы про гомосексуалистов. В общем, мог промолчать. А теперь не могу – четко даю понять, что это недопустимо (гей, 24, Москва).

Самая важная черта стратегии протеста – стремление фреймировать его не как гендерный или сексуальный, а как политический. Идентификация борьбы происходит не с ЛГБТ-активистами, а с политической оппозицией. Такое отношение к публичным адвокатам их собственной позиции объясняется рядом причин. Во-первых, неадекватными, по мнению респондентов, методами борьбы:

[Необходимо] изменение фронтменов, которые способны не просто кричать, что раз мы педики, то выложите нам сразу права. Это ведь ничего кроме жалости, не вызывает (гей, 31, Московская область).

Во-вторых, воспроизводимым активистами отгораживанием ЛГБТ от остального общества. Многие респонденты призвали ЛГБТ бороться не за специальные, а за общегражданские права:

Не нужно сегментировать себя, демонстрировать только свои запросы, свой эгоизм. Мы должны сказать, что мы заботимся о гражданских правах в целом (бисексуальная женщина, 25, Москва).

Респонденты также предлагали *«создавать ЛГБТ-спортсекции», «центры ЖКХ, убираться на улицах», «помогать пенсионерам», «проводить правозащитную работу», «бороться против дискриминации», создать «связь между борьбой с гомофобией и свободой и демократией в России... Альянс ЛГБТ и гастарбайтеров».*

Наконец, кроме «революционного» сценария респондентами упоминалась эмиграция. Они указывали, что идея такая возникла давно, и напрямую она связана не с последними изменениями в законодательстве, а с экономическими свободами, инвестиционным климатом, политической системой, уровнем образования и медицинского обслуживания.

Более того, наши собеседники не заметили увеличения нетерпимости по отношению к ним за полтора года кампании. В отдельных случаях усиление гомофобии сводилось к локальному уровню (потасовки в барах и конфликты с пьяными посетителями). Население, по их мнению, нейтрально или индифферентно относится к таким начинаниям властей: *«Не думаю, что где-либо люди, в каком-нибудь маленьком городке, реально озабочены этой проблемой»* (гей, 28, Москва).

Выделение типов реакций ЛГБТ на государственную кампанию по запрету «пропаганды гомосексуализма» позволяет сказать, что она не привела к их исчезновению из публичного пространства. ЛГБТ по-

разному отреагировали на публичную гомофобию, но в целом не изменили своих поведенческих практик. Мы выделили три типа реакции на кампанию. Первый – принятие – предпочли «консерваторы», принимающие позицию большинства и считающие себя «лишними». Эти респонденты и до начала кампании не вели себя «вызывающе». Второй тип – игнорирование – связан с максимальным избеганием контакта с государственными органами и поиском механизмов вне-государственного регулирования отношений. Третий тип реакции – протест – демонстрировался теми, кто вместо интенсификации риторики «эксклюзивности» выбирает новое фреймирование своей жизненной стратегии как политической борьбы. Расширение повестки дня до «общегражданской», защита прав дискриминируемых групп – вероятно, самая успешная из ответных стратегий, на которую не решилась даже политическая оппозиция.

Драматические выступления депутатов, напротив, вызывают сочувствие к ЛГБТ в их ближайшем социальном окружении, создавая сообщество «дружественных гетеросексуалов» и способствуя информированию населения. Респонденты видят большой позитивный потенциал у ЛГБТ-движения, которое могло бы не только выступать против дискриминации по сексуальному признаку, но и стать частью общего протестного движения, поскольку государственная кампания по запрету «пропаганды гомосексуализма» является следствием усиления авторитарных тенденций в российской политике. В добавлении общегражданских прав к дискурсу исключительности ЛГБТ-прав респонденты видят возможность преодолеть барьер отчуждения от остальной части российского общества.

Выражение признательности

Мы благодарим за детальный анализ и ценные предложения по улучшению статьи Елену Здравомыслову, Кристофера Сводера, Александра Кондакова, Леонида Полищука, участников семинара *Love and Sex after Communism* в Университете Уппсалы и трех анонимных рецензентов. Мы выражаем признательность нашим респондентам за их личную смелость и согласие принять участие в исследовании.

Список источников

«Воскресный вечер» с Владимиром Соловьевым, 2013 // <http://www.youtube.com/watch?v=woNvyEHvpag> (дата обращения: 01.07.2013).

Гудков Л. *Негативная идентичность*. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Депутат Митрофанов предложил сажать в тюрьму и лесбиянок, 2002 // <http://www.newsru.com/russia/13may2002/lesbi.html> (дата обращения: 01.07.2013).

Депутаты будут сажать гомосексуалистов, а лесбиянок не тронут, 2002 // <http://www.newsru.com/russia/23Apr2002/lider.html> (дата обращения: 01.07.2013).

Кон И. *Сексуальная культура в России: «Клубничка» на берёзке*. М.: ОГИ, 1997.

- Мизулина Е. *Мое голосование за закон Димы Яковлева – политическое*, 2013а // http://www.ltv.ru/sprojects_edition/si5756/fi21739 (дата обращения: 01.07.2013).
- Мизулина Е. *Отбирать детей у однополых семей возможно*, 2013б // http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=_aqU3PA8360 (дата обращения: 01.07.2013).
- Плотко М. *Страх другого. Проблема гомофобии в России*, 2013 // <http://www.levada.ru/12-03-2013/strakh-drugogo-problema-gomofobii-v-rossii> (дата обращения: 01.07.2013).
- Суд в Петербурге впервые оштрафовал за гей-пропаганду, 2012 // <http://ria.ru/justice/20120504/640833470.html> (дата обращения: 01.07.2013).
- Тилли Ч. *Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.* М.: Издательство ВШЭ, 2010.
- Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999.
- Церковь – это место, где нет демократии: Интервью с православным депутатом Виталием Милоновым, 2012 // <http://lenta.ru/articles/2012/08/23/milonov/> (дата обращения: 01.07.2013).
- Ваер В. J. *Other Russias: Homosexuality and the Crisis of Post-Soviet Identity*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
- Bernstein E., Schaffner L. (eds.) *Regulating sex: The Politics of Intimacy and Identity*. New York: Routledge, 2005.
- Foucault M. *The History of Sexuality. An Introduction*. New York: Vintage Books, 1990.
- Giddens A. *The Transformation of Intimacy: Sexuality Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.
- Hirschman A. *Exit, Voice and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.
- Jamieson L. *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press, 1998.
- Kondakov A. Resisting the Silence: The Use of Tolerance and Equality Arguments by Gay and Lesbian Activist Groups in Russia // *Canadian Journal of Law and Society*. 2013. 28 (1): 403–424.
- Pilkington H. *Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia*. New York: Routledge, 1996.
- Rothbauer P. M., McKechnie L. E. F. The treatment of gay and lesbian fiction for young adults in selected prominent reviewing media // *Collection Building*. 2000. 19(1): 5–16.
- The Global Divide on Homosexuality. Greater Acceptance in More Secular and Affluent Countries*, 2013 // <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/> (дата обращения: 01.07.2013).
- Witzel A., Reiter H. *The Problem-Centred Interview*. London: Sage, 2012.

"I WAS BASICALLY KICKED OUT": REACTION OF LGBT ON THE PROHIBITION OF "HOMOSEXUALITY PROPAGANDA"

Irina Soboleva

Yaroslav Bakhmetjev

The paper explores the response of the LGBT community to the expanding homophobic campaign in Russia. Contrary to state intentions and the expectations of LGBT activists, everyday practices within the LGBT community have not dramatically changed. The majority of our respondents perceive the campaign as a political instrument used to achieve consolidation of votes within the electorate. On the basis of 77 in-depth interviews within the Russian LGBT community, we identified three main types of reaction to the newly introduced homophobic laws and explain the factors driving these choices. These choices include: "exit" (indifference to the policy); "loyalty" (acceptance of the rules of game) and "voice" (protesting in response). Rather than being determined by social or economic status, the particular type of reaction is prescribed by the level of an individual's integration to an existing LGBT network and the degree of personal independence they enjoy from agents such as the state, partners or parents. Less well-informed respondents, especially those who have grown up in a relatively hostile environment, have not changed their public sexual practices. According to the respondents' descriptions, they learned to behave in a socially acceptable way. This "exit" pattern of behavior is preferred by those respondents who are about 30 years old and have a constant partner. These respondents are resolving their property and family issues without being "visible" to the state. Around a fifth of our respondents considered it necessary to respond actively to government interference in their private life and force the government hear their voice. Integration within everyday institutional environments and political awareness also help respondents to make a distinction between the state's homophobic rhetoric and the general level of homophobia in Russian society. Respondents describe Russian society as largely indifferent rather than actively homophobic. They are sure that being "other" predominantly means to be invisible or to frame your otherness as political choice. Thus, the impact of state homophobia on actual sexual practices in intolerant cultures could be limited by social indifference.

Keywords: LGBT, protest behavior, discrimination, regulation, sexuality

References

- Baer B.J. (2009) *Other Russias: Homosexuality and the Crisis of Post-Soviet Identity*, New York: Palgrave Macmillan.
- Bernstein E., Schaffner L. (eds.) (2005) *Regulating Sex: The Politics of Intimacy and Identity*, New York: Routledge.
- Deputat Mitrofanov predlozhit sazhat' v tyur'mu i lesbijanok* [Duma Deputy Mitrofanov Suggests Detaining Lesbians, as well] (2002). Available at: <http://www.newsru.com/russia/13may2002/lesbi.html> (accessed: 01 July 2013).

Irina Soboleva – MPA, Research Fellow, Laboratory for Political Studies, HSE; Lecturer, Department of Political Theory and Political Analysis, HSE. Moscow, Russian Federation. Email: ivsoboleva@hse.ru

Yaroslav Bakhmetjev – Research Fellow, Laboratory for Political Studies, HSE; Lecturer, Department of Political Behavior, HSE, Moscow, Russian Federation. Email: yabakhmetjev@hse.ru

- Deputaty budut sazhat' gomoseksualistov, a lesbiyanok ne tronut* [Parliament Deputies Will Detain Gays but Won't Touch Lesbians] (2002). Available at: <http://www.newsru.com/russia/23Apr2002/lider.html> (accessed: 01 July 2013).
- Foucault M. (1990) *The History of Sexuality: An Introduction*, New York: Vintage Books.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [To Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem.
- Giddens A. (1993) *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gudkov L. (2004) *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative Identity: Articles of 1997–2002], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Hirschman A. (1970) *Exit, Voice and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Jamieson L. (1998) *Intimacy: Personal relationships in modern societies*, Cambridge: Polity Press.
- Kon I. (1997) *Seksual'naya kul'tura v Rossii: "Klubnichka" na beryozke* [Sexual Culture in Russia: a "Strawberry" on a Birch Tree], Moscow: Objedenyonnoe gumanitarnoe obschestvo.
- Kondakov A. (2013) Resisting the Silence: The Use of Tolerance and Equality Arguments by Gay and Lesbian Activist Groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, 28(1): 403–424.
- Mizulina E. *Moyo golosovanie za zakon Dimy Yakovleva – politicheskoe* (2013) [E. Mizulina: My Voting for the Dima Yakovlev Law Is Political]. Available at: http://www.itv.ru/projects_edition/si5756/fi21739 (accessed: 01 July 2013).
- Mizulina E. *Otbirat' detej u odnopolykh semej vozmozhno* (2013) [Mizulina E. It Is Possible to Take Kids away from Same-Sex Families]. Available at: http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=_aqU3PA8360 (accessed: 01 July 2013).
- Pilkington H. (1996) *Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia*, New York: Routledge.
- Plotko M. (2013) *Strakh drugogo. Problema gomofobii v Rossii* [The Fear of the Other: The Issue of Homophobia in Russia]. Available at: <http://www.levada.ru/12–03–2013/strakh-drugogo-problema-gomofobii-v-rossii> (accessed: 01 July 2013).
- Rothbauer P. M., McKechnie L.E.F. (2000) The Treatment of Gay and Lesbian Fiction for Young Adults in Selected Prominent Reviewing Media. *Collection Building*, 19(1): 5–16.
- Sud v Peterburge v pervye oshtrafoval za gej-propagandu* [St. Petersburg Court Gives Out its first Gay Propaganda] (2012). Available at: <http://ria.ru/justice/20120504/640833470.html> (accessed: 01 July 2013).
- The Global Divide on Homosexuality. Greater Acceptance in More Secular and Affluent Countries* (2013). Available at: <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/> (accessed: 01 July 2013).
- Tilly Ch. (2010) *Bor'ba I demokratiya v Evrope, 1650–2000 gg.* [Struggle and Democracy in Europe, 1650–2000], Moscow: Izdatel'stvo VSE.
- Tserkov' – eto mesto, gde net demokratii: Interv'y u s pravoslavnyim deputatom Vitaliem Milonovym* (2012) [The Church Is a Place without Democracy: Interview with Orthodox MP Vitaly Milonov]. Available at: <http://lenta.ru/articles/2012/08/23/milonov/> (accessed: 01 July 2013).
- Voskresnyj vecher c Vladimirom Solov'yovym* [Sunday Night with Vladimir Solovyev] (2013). Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=woNvyEHvpag> (accessed: 01 July 2013).
- Witzel A., Reiter H. *The Problem-Centred Interview*, London: Sage, 2012.